ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК [94(47)+929](571.150)
DOI: 10.17223/19988613/51/20

М.А. Демин

УЧЕНЫЙ И БЮРОКРАТИЯ (К ИСТОРИИ НЕРЕАЛИЗОВАННОГО ВАРИАНТА НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ А.П. УМАНСКОГО)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-11-22005 «Историк в региональном социокультурном пространстве второй половины XX в.»).

На основе неопубликованных источников раскрыты перипетии одного из самых драматических эпизодов в научной деятельности известного сибирского историка и археолога Алексея Павловича Уманского. В результате многолетних целенаправленных археологических разведок и раскопок исследователь получил в свое распоряжение обширный археологический материал. На его основе А.П. Уманский планировал подготовить кандидатскую диссертацию под руководством М.П. Грязнова, под началом которого он участвовал в нескольких археологических экспедициях. Однако поступление А.П. Уманского в годичную аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии наткнулось на бюрократические препоны Министерства просвещения. В итоге проблему удалось решить только в ведомственных рамках Кемеровского педагогического института. Но для этого пришлось круто изменить уже устоявшиеся планы научных работ и вопреки исследовательским интересам отказаться от археологической проблематики, занявшись изучением истории телеутов в XVII–XVIII вв.
Ключевые слова: Алексей Павлович Уманский; археология; история телеутов; аспирантура; диссертация.

В современной историографии подчеркивается необходимость анализа всего комплекса социальных (экзогенных) факторов, влиявших или порой даже определявших судьбу ученого. Историко-антропологические исследования ориентированы на изучение интеллектуальной деятельности историка в конкретном социокультурном контексте, в рамках которого разворачивалось его творчество. Выявление взаимодействия между индивидуумом и обществом, внешними факторами и внутренними импульсами может способствовать решению такой важной методологической проблемы, как соотношение и совместимость в исследовательской практике микро- и макроанализа [1. С. 7–8; 2. С. 295–296, 338].

Целью данной статьи является введение в научный оборот новых неопубликованных материалов, раскрывающих перипетии одного из самых драматических эпизодов в деятельности известного сибирского историка и археолога Алексея Павловича Уманского. В силу внешних обстоятельств ему пришлось круто изменить уже устоявшиеся планы научных работ, отказаться от аспирантуры в столичном центре с авторитетной научной школой, осваивать тему, которая не предполагала использование годами накопленного материала и плохо вписывалась в сложившиеся научные интересы исследователя. Значимость этого сюжета представляется важной еще и с точки зрения изучения проблемы взаимоотношений ученого и власти, когда бюрократические препоны встали непреодолимой преградой на пути творческих устремлений исследователя и привели к реализации того варианта его научной биографии, который первоначально явно не был приоритетным.

Работая в Барнаульском педагогическом институте, А.П. Уманский в 1949 г. с группой студентов принял участие в археологической экспедиции под руководством М.П. Грязнова и на всю жизнь «заболел» археологией. Он установил прочные связи с ленинградскими научными сотрудниками и студентами, провел в 1951 г. первые самостоятельные археологические раскопки. В 1955 г. А.П. Уманский переходит на работу в управление культуры Алтайского крайисполкома старшим инспектором по музеям и охране памятников культуры. Он продолжает интенсивную деятельность по выявлению, обследованию и раскопкам археологических объектов, публикует большую серию научно-популярных работ по археологической тематике [3, 4].

С 1 сентября 1963 г. А.П. Уманский возвращается на работу в Барнаульский пединститут на должность старшего преподавателя кафедры истории. В вуз он перешел с четкой целью вплотную заняться научной деятельностью, предварительно обсудив этот вопрос с руководством вуза. По словам преподавателя, «передо мной сразу же поставили задачу – защищайся, и чем скорее, тем будет лучше» [5]. Перед уходом из управленческой структуры он в августе 1963 г. совершил поездку в Ленинград в Государственный Эрмитаж с целью передачи туда на постоянное хранение драгоценных изделий из его археологических исследований. В ходе поездки он планировал обговорить с Михаилом Петровичем Грязновым, ведущим специалистом по

археологии Южной Сибири, возможное научное руководство и предполагаемую тему кандидатской диссертации, однако тот оказался в отъезде.

Вскоре после оформления на новую работу ректорат начинает переписку с соответствующими инстанциями по поводу его оформления в годичную аспирантуру по археологии. От самого преподавателя требовалось найти себе «свободного» научного руководителя, который бы согласился работать с аспирантом. Все надежды здесь А.П. Уманский возлагал на М.П. Грязнова, под началом которого он участвовал в нескольких археологических экспедициях. Во время конференции в Иркутске в 1960 г. именно М.П. Грязнов познакомил его с А.П. Окладниковым и рекомендовал барнаульскому исследователю «что-то делать» в научном плане [5]. Однако после раскопок в ложе будущего Обского водохранилища в начале 1950-х гг. непосредственных контактов с ученым он не поддерживал, хотя не терял связи с его ленинградскими коллегами: М.П. Золотухиной, С.С. Сорокиным и др. После передачи «золотой» коллекции в Эрмитаж он вел активную переписку с его сотрудниками: А.П. Манцевич, Б.А. Латыниным, К.М. Скалон.

В результате многочисленных разведок и раскопок в распоряжении исследователя имелся достаточно обширный археологический материал по различным эпохам. А.П. Уманский справедливо полагал, что сумеет его обобщить в течение года, и планировал в дальнейшем развивать именно археологическую тематику. Хотя лично встретиться с ленинградским ученым ввиду его отъезда в августе 1963 г. не получилось, однако, по словам Б.А. Латынина, М.П. Грязнов «мурлыкал, облизываясь», осматривая привезенные с Алтая золотые андроновские изделия [6]. Для определения темы и материалов будущей диссертации Латынин, сопереживавший и поддерживавший начинания барнаульского исследователя, настойчиво предлагал ему «списаться или иначе как посоветоваться с Михаилом Петровичем. Знаю, что он будет (и есть) к Вам всячески благорасположен» [7].

После длительных раздумий в конце ноября или начале декабря этого же года А.П. Уманский обратился к ленинградскому археологу с большим письмом. В нем видна некоторая неуверенность А.П. Уманского в положительном решении вопроса, которая, видимо, объясняется не только отсутствием у него специального «архобразования» и понятной робостью провинциального исследователя перед маститым столичным ученым, но и тем, что вопреки совету М.П. Грязнова А.П. Уманский предлагал для диссертации не общеисторическую, а археологическую тематику. Дело в том, что Грязнов по ряду причин ранее советовал начинающему исследователю выбрать тему диссертационного сочинения не по археологии, а по истории телеутов в XVII–XVIII вв.

В начале письма А.П. Уманский приводит объяснения, почему, несмотря на определенные наработки по истории «Телеутской землицы», выбор сделан в пользу археологии. Это было связано, прежде всего, с большим массивом археологических источников, полученных исследователем в последние годы. Он «увязал» в археологии, все дальше «отодвигаясь от исторической темы» и теряя к ней интерес. Тем более после трудов Л.П. Потапова по истории алтайцев: «Есть ли смысл ломиться в эту дверь?»

Кроме того, начинающего ученого настораживала зависимость исторических исследований от директив идеологического характера: «Есть такие щекотливые вопросы, обходить которые нельзя, а решать надо, идя не от фактов, а от установки». Сетуя на то, что нет возможности непосредственно познакомить М.П. Грязнова с имеющимся археологическим материалом, А.П. Уманский перечисляет исследованные им памятники андроновского времени, эпохи «ранних кочевников», I тыс. н.э. и сросткинской культуры, подчеркивая наличие дальнейших перспектив изучения ряда объектов. Однако формулировка темы диссертации, ее территориальных и хронологических рамок вызывали у него затруднение.

О том, насколько важно для начинающего исследователя было определиться с научным руководителем, свидетельствует его готовность пойти на такой неординарный шаг, как поделиться с ним собственными археологическими источниками: «Я бы, наверное, отдал ему половину своих материалов». Напрямую А.П. Уманский не ставит перед М.П. Грязновым вопрос о его согласии стать научным руководителем, а просит «присоветовать», как выйти из данной ситуации, внять «гласу вопиющего в пустыни», однако из содержания письма совершенно очевидно, какой вариант для соискателя был наиболее предпочтительным [5]. Некоторую задержку с ответом на свое письмо А.П. Уманский воспринял с большой тревогой и, «как сигнал о бедствии», просил М.П. Золотухину помочь прояснить ситуацию [8].

В середине января 1964 г. ответное письмо от М.П. Грязнова было получено. Оговорившись, что не имеет достаточно полного представления о материалах А.П. Уманского, ленинградский ученый все же выражал уверенность, что на них «можно построить хорошую диссертацию, и что Вы это сможете сделать». Однако он несколько раз настойчиво повторял, что успех возможен только при одном непременном условии: соискатель должен примерно год провести в Ленинграде, чтобы «делиться мыслями и соображениями с археологами близкого научного профиля», в противном случае будет трудно подняться выше «посредственного провинциального» уровня. Что касается темы диссертации, то, по мнению М.П. Грязнова, ее лучше сформулировать после детального знакомства с имеющимися источниками, но, вероятно, следует взять более широкие хронологические рамки, чем андроновская эпоха [9].

В начале 1964 г. А.П. Уманский еще дважды обращается к М.П. Грязнову с просьбой решить некоторые формальные вопросы, связанные с его прикреплением

к ленинградскому научному центру. Ленинградский археолог дал официальное согласие на научное руководство; тема диссертации была сформулирована следующим образом: «Верхняя Обь в эпоху бронзы и раннего железа». В апреле этого же года детали предстоящей научной работы, видимо, были обговорены во время личной встречи ученых в Москве или Ленинграде. М.П. Грязнов положительно и очень благожелательно отнесся к просьбам барнаульского исследователя, но, возможно, корректно-сдержанный тон писем и задержки с ответами вызвали некоторые сомнения А.П. Уманского в том, что его научные начинания встречены с энтузиазмом: «Возможно… М.П. … как деликатный человек не смог мне твердо отказать и думал, что я сам догадаюсь, а я не догадался и лезу как треневская Дунька в Европу, в археологию» [10].

Тем не менее вначале все складывалось благополучно: по ходатайству М.П. Грязнова заведующий Ленинградским отделением Института археологии М.К. Каргер в письме на имя ректора БГПИ от 30 июня 1964 г. выразил согласие принять А.П. Уманского в годичную аспирантуру и поручить руководство его работой М.П. Грязнову [11. Л. 20]. Преподаватель уже прорабатывал с руководством вуза сроки творческой командировки (ориентировочно ее начало определили с 1 января 1965 г.) и обговаривал вопросы своего обустройства в северной столице. Однако его по-прежнему одолевали сомнения как по поводу реальности самой поездки («сижу как иголках, то ли будет, то ли нет»), так и по ее результативности («смогу ли я сделать тему за этот год, учитывая мою дремучесть в вопросах археологии?») [12]. Свои мысли по этому поводу он высказывает и в письме предполагаемому научному руководителю: «…Все еще сомневаюсь, смогу ли я сказать что-нибудь новое в археологии Алтая, не зря ли Вас втянул в это дело?» [13].

В итоге сбылись самые худшие опасения преподавателя. В октябре 1964 г. в ректорат приходит ответ из отдела кадров Главного управления высших учебных заведений Министерства просвещения РСФСР, в котором сообщалось, что институты Академии наук не имеют право прикомандировывать в годичную аспирантуру, и соискателю для завершения диссертации предлагалось прикрепиться к одному из пединститутов или университетов [11. Л. 21]. Так, росчерком пера министерского чиновника рушились планы и надежды на год жизни в культурной столице страны с ее выдающимися памятниками истории и культуры, знаменитыми музеями, крупнейшими архивами и библиотеками, признанной в научном мире археологической школой, налаженными связями и авторитетным научным руководителем. И все это в одночасье предлагалось поменять, притом неизвестно на что. В письмах Б.А. Латынину и М.П. Грязнову он сообщает о постигшем его «несчастье», извиняется за те хлопоты, которые он им причинил: «Мне стыдно за эту авантюру, которую затеяли мои проректор и зав. кафедрой. Ведь они заверяли, требовали даже – только отыщите научного руководителя и командировка на год обеспечена», а в результате получили «багровую дулю в нос» [14].

Глубоко переживая по поводу возникших крайне неблагоприятных обстоятельств и высказывая порой пессимистические мысли («Через три года кончится конкурсный срок и придется снова идти в школу или музей») [15], А.П. Уманский не сложил руки, а продумывал другие варианты своей научной карьеры, связанные с аспирантурой Новосибирского или Томского университетов, или обращением к телеутской тематике. Показательно, что в письме к М.П. Грязнову, отправленному в столь драматический для барнаульского исследователя момент, он не зацикливается на возникшей проблеме, а сообщает о своих летних экспедиционных работах и научных публикациях, интересуется результатами археологических раскопок своего ленинградского коллеги [Там же].

Не поддавшись гипнозу министерской бумаги, А.П. Уманский предпринимает решительные практические шаги с целью изменить ситуацию. От своего имени он направляет письмо начальнику отдела кадров министерского подразделения, который подписал бумагу с отказом в ленинградской аспирантуре. В весьма резкой форме он просит объяснить, почему ни ректорат вуза, направляя ходатайство, ни заведующий Ленинградским отделением Института археологии, давая согласие, не знали о том, что преподавателей педагогических институтов нельзя направлять в аспирантуру академических учреждений. «Я не допускаю мысли, – пишет А.П. Уманский, что М.К. Каргер решился на нарушение каких-то инструкций». По поводу совета о прикреплении к одному из пединститутов преподаватель с сарказмом пишет, что ни в одном из них нет аспирантуры по археологии: «Ваш инспектор или инструктор, готовивший ответ, мог легко убедиться в этом, заглянув в перечень пединститутов…». Что касается университетов, то, по словам А.П. Уманского, лишь несколько из них могли бы заинтересоваться алтайской тематикой, однако Московский, Ленинградский и Новосибирский университеты «основательно набиты аспирантами», к тому же сфера научных интересов новосибирских археологов далека территориально от Алтая, а тематически – от эпохи бронзы [16. Л. 25–25 об.].

Решительность и напористость барнаульского преподавателя заставили министерскую бюрократическую машину прийти в некоторое движение. За подписью заместителя министра в Президиум Академии наук СССР уходит бумага с просьбой о прикомандировании его в годичную аспирантуру Ленинградского отделения Института археологии [17]. Вдогонку уже сам Алексей Павлович направляет непосредственно в Президиум Академии письмо, в котором поясняет, что приложенная к ходатайству Министерства рукопись является публикацией научно-популярного характера. Кроме того, при решении вопроса о его аспирантуре в Ленинграде он просит учесть, что в течение последних

шести лет (1959–1964 гг.) он возглавлял археологические экспедиции, в ходе которых был получен большой и интересный материал по истории Верхней Оби эпохи бронзы и раннего железа, который хранится не только в местных музеях, но и в Государственном Эрмитаже [18. Л. 6]. Президиум Академии наук положительно решает поставленный перед ним вопрос и оперативно извещает Министерство просвещения и Ленинградское отделение Института археологии о своем согласии прикомандировать барнаульского преподавателя в аспирантуру третьего года обучения [11. Л. 26]. Казалось бы, все препоны были преодолены; с благополучным завершением эпопеи по поступлению в аспирантуру А.П. Уманского поздравили З.А. Абрамова, М.П. Завитухина и Б.А. Латынин. На февраль 1965 г. он планировал отъезд в Ленинград, хотя, «наученный годом мытарств по инстанциям», не спешил обнародовать свой успех [16. Л. 26].

И действительно, в самом конце 1964 г. он получает «новогодний подарок… Министерства». Короткое письмо, подписанное исполняющим обязанности начальника Главного управления высших учебных заведений Министерства просвещения РСФСР, поражает некомпетентностью и формализмом в действиях руководящего органа. В документе указывается, что А.П. Уманский может быть прикомандирован в Ленинградское отделение Института археологии как аспирант третьего года обучения, но Министерство просвещения и Барнаульский пединститут не могут нести соответствующие расходы. В письме преподавателю повторно предлагается прикрепиться к одному из университетов [11. Л. 22]. Спрашивается, зачем был затеян весь этот «сыр-бор» с перепиской с Академией наук и поиском научного руководителя из академического учреждения, если финансовые инструкции Министерства в принципе не предусматривали подобного варианта?

1 января 1965 г. А.П. Уманский пишет большое, на пяти страницах, письмо М.П. Грязнову, в котором полностью перепечатывает текст официального министерского уведомления, пишет, что «просто остолбенел» от такого бюрократического решения, сожалеет, что вновь остался у «разбитого корыта». Однако основная часть письма была посвящена чисто археологическим проблемам: результатам раскопок в Нижней Суетке в 1964 г., обработке музейных коллекций с других памятников и, главным образом, обсуждению ряда дискуссионных вопросов андроновской культуры. Судя по всему, А.П. Уманский, невзирая на удары судьбы, рассчитывал не сворачивать, а наоборот, активно развертывать свои археологические исследования. Об этом он прямо сообщает М.П. Грязнову, одновременно давая понять, что не забыл его мнения о невозможности подготовить хорошую диссертацию в отрыве от столичных центров: «В сегодняшнем моем положении остается, видимо, одно – писать полуграмотную провинциальную работу» [19].

Почти два последующих года ушли на поиск и согласование новых учреждений и научного руководителя. Рассматривались различные варианты, в том числе привлечение для руководства М.П. Грязнова в качестве профессора кафедры археологии Ленинградского университета [11. Л. 19] с последующей защитой в этом учебном заведении. Этот вариант Б.А. Латынин даже предварительно согласовал с заведующим кафедрой М.И. Артамоновым [20]. В итоге проблему удалось решить только в рамках ведомственной принадлежности Барнаульского пединститута. В декабре 1966 г. появляется приказ Министерства просвещения РСФСР о прикомандировании А.П. Уманского в годичную аспирантуру Кемеровского педагогического института для завершения и защиты кандидатской диссертации на тему «Телеуты в XVII веке» с 25 декабря 1966 по 25 декабря 1967 г. [21. Л. 18].

Определенное участие в его «нескладной судьбе» в этот период принял кемеровский археолог, впоследствии известный российский ученый, автор учебников по археологии СССР и России Анатолий Иванович Мартынов. А.П. Уманский к этому времени, видимо, уже смирился с тем, что ему не суждено продолжить свои научные изыскания в ведущем научном центре страны и даже видел явные материальные преимущества прикрепления к вузу, территориально расположенному близ Барнаула. По крайней мере, в письме А.И. Мартынову от 15 мая 1966 г. он утверждает, что «обеими руками голосует за Кемерово», которое для него «во всех отношениях… предпочтительнее». Однако мысль М.П. Грязнова о слабом научном уровне провинциальных исследований все же не давала ему покоя. Он понимал, что речь идет не просто о качестве диссертации, а шире – о возможности полноправного вхождения в профессиональное научное сообщество. Вероятно, борясь с собственными сомнениями и подводя итог длительных раздумий по этому поводу, он пишет А.И. Мартынову: «Некоторые “добродеи” говорят мне… дескать теряется марка. На сие я отвечаю: не в моем возрасте и положении заботиться о марке… я и не думаю делать свою работу «столичной», пусть она будет провинциальной, но на своем материале, чем столичной, написанной на чужих материалах» [22].

Научным руководителем соискателя был утвержден профессор В.Г. Мирзоев [17. Л. 17], который незадолго до этого защитил докторскую диссертацию по историографии Сибири. По словам Алексея Павловича, на первую беседу с научным руководителем он привез для обсуждения несколько возможных тем кандидатской диссертации. Первой среди них по-прежнему стояла эпоха бронзы и раннего железа Верхнего Приобья. Однако В.Г. Мирзоев не был специалистом по археологии и поэтому не взялся руководить работой по незнакомой для него научной проблеме. Тогда А.П. Уманский предложил тему по истории телеутов, по которой он начал собирать материалы еще с середины 1950-х гг. Конечно, ему было очень жаль, что в работе нельзя будет использовать «такой выигрышный археологический материал» [15], однако необходимость для препо-

давателя высшей школы скорейшей «остепененности» в рамках установленных процедур послевузовского образования потребовала принятия данного решения.

Таким образом, бюрократические преграды не позволили реализоваться тому варианту научной биографии А.П. Уманского, который он считал наиболее предпочтительным, и вытекал из его предшествующих исследовательских начинаний. Вполне вероятно, что если бы идея с ленинградской аспирантурой осуществилась, то под руководством А.П. Уманского впоследствии возникла авторитетная археологическая школа. Однако в силу указанных выше обстоятельств ему пришлось совмещать археологические и исторические исследования, не говоря уже о преподавательской работе, административных обязанностях и общественных поручениях, требовавших огромных временных затрат. Тем не менее вплоть до свертывания активной деятельности по возрасту и состоянию здоровья он почти ежегодно проводил полевые археологические изыскания. Внешние факторы не ослабили творческих устремлений А.П. Уманского: он в короткие сроки собрал и обработал большой массив архивных источников и подготовил объемную рукопись по истории «Телеутской землицы». По этой проблематике он впоследствии стал признанным в научном мире специалистом, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, опубликовал две капитальные монографии и серию статей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Репина Л.П. Личность и общество, или История в биографиях // История через личность: историческая биография сегодня. М. : Кругъ, 2005. С. 5–18.
2. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М. : Кругъ, 2011.
3. Демин М.А. А.П. Уманский: первые шаги в науку // Вопросы археологии и истории юга Западной Сибири : материалы всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РФ профессора А.П. Уманского / редкол.: М.А. Демин (отв. ред.) и др. Барнаул : АлтГПА, 2013. С. 30–42.
4. Демин М.А. Археологические исследования А.П. Уманского на Алтае (1949–1963 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2016. № 2 (90). С. 200–205.
5. Письмо А.П. Уманского. Ноябрь – декабрь 1963 г. Личный архив вдовы ученого Тамары Аверьяновны Уманской.
6. Письмо Б.А. Латынина. 22 октября 1963 г. Личный архив Т.А. Уманской.
7. Письмо Б.А. Латынина. 18 ноября 1963 г. Личный архив Т.А. Уманской.
8. Письмо А.П. Уманского. 20 декабря 1963 г. Личный архив Т.А. Уманской.
9. Письмо М.П. Грязнова. 2 января 1964 г. Личный архив Т.А. Уманской.
10. Письмо А.П. Уманского. 8 сентября 1964 г. Личный архив Т.А. Уманской.
11. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 155.
12. Письмо А.П. Уманского. Конец августа или сентябрь 1964 г. Личный архив Т.А. Уманской.
13. Письмо А.П. Уманского. 30 августа 1964 г. Личный архив Т.А. Уманской.
14. Письмо А.П. Уманского. 21 октября 1964 г. Личный архив Т.А. Уманской.
15. Письмо А.П. Уманского. 22 октября 1964 г. Личный архив Т.А. Уманской.
16. ГААК. Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 149.
17. Архив Алтайского государственного педагогического университета. Личное дело А.П. Уманского.
18. ГААК. Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 156.
19. Письмо А.П. Уманского. 1 января 1965 г. Личный архив Т.А. Уманской.
20. Письмо Б.А. Латынина. 9 мая 1965 г. Личный архив Т.А. Уманской.
21. ГААК. Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 154.
22. Письмо А.П. Уманского. 18 мая 1966 г. Личный архив Т.А. Уманской.

Dyomin Mikhail A. Altai state Pedagogical university (Barnaul, Russia). E-mail: mademin52@mail.ru

THE SCIENTIST AND THE BUREAUCRACY. (TO THE HISTORY OF THE UNREALIZED VERSION OF SCIENTIFIC BIOGRAPHY OF A. P. UMANSKY)

Keywords: Alexei Pavlovich Umansky; archaeology; studying the history of the Teleuts; post-graduate course; thesis.

The purpose of the article is to consider the dramatic events in the biography of the famous Siberian historian and archaeologist Alexei Pavlovich Umansky that led to a radical change in the problems of his scientific research. To solve the set goal, the following tasks are to be solved: to identify the reasons that determined the desire of the Barnaul scientist to work in the field of archeology; to characterize his contacts with the Leningrad archaeologist M.P. Gryaznov; to show the influence of external bureaucratic factors on the scientific activities of Umansky. The publication is based on the methodological principles of intellectual history and the practice of modern historical and anthropological research. The problematic field of work is related to the relationship between scientists and authorities, when bureaucratic obstacles were insurmountable obstacles to their creative aspirations. The source of the article is the unpublished correspondence of A.P. Umansky with prominent Russian archaeologists M.P. Gryaznov, B.A. Latynin, M.P. Zolotukhin, A.I. Martynov, as well as archival documents. As a result of long-standing archaeological explorations and excavations, A.P. Umansky received a vast archaeological material at his disposal. On its basis, he planned to prepare a candidate dissertation, having attached for a year to the Leningrad branch of the Institute of Archeology. However, the Ministry of education of the RSFSR did not give permission for the attachment of thesis to an academic institution, which was not in charge of it, by offering him a post-graduate course at one of the pedagogical institutes or universities. Not succumbing to the hypnosis of the ministerial paper, A. P. Umansky takes bold practical steps to change the situation that forced the bureaucratic machine to come to a certain movement. As a result, the Presidium of the USSR Academy of Sciences has already given a positive conclusion on admission of the Barnaul researcher in a one-year postgraduate course at the Leningrad branch of the Institute of Archaeology. Further decisions of the Ministry of education are striking in their incompetence and formalism: it informed that Umansky may be registered as a graduate student in an academic institution, but neither the Ministry, nor the Barnaul Pedagogical Institute could bear the corresponding costs. Almost next two years went to the search and negotiation of new institutions and a research supervisor. As a result, the problem was solved only in the institutional framework of the Kemerovo Pedagogical Institute. As a result of the conducted research, the author came to the conclusion that, due to external circumstances, A.P. Umansky had

to change abruptly the already well-established plans for scientific work and master the topic, which did not involve the use of archaeological material accumulated for years and did not fit well into the researcher's established scientific interests. It is likely that if the idea with the Leningrad postgraduate studies was realized, then there could be an authoritative archeological school under the leadership of A.P. Umansky subsequently.

REFERENCES

1. Repina, L.P. (2005) Lichnost' i obshchestvo, ili istoriya v biografiyakh [Personality and society, or history in biographies]. In: Repina, L.P. & Petrova, M.S. (eds) *Istoriya cherez lichnost': istoricheskaya biografiya segodnya* [History Through Personality. Historical Biographi Today]. Moscow: Krug". pp. 5–18.
2. Repina, L.P. (2011) *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [History at the turn of the 21st century: social theories and historiographical practice]. Moscow: Krug".
3. Demin, M.A. (2013) A.P. Umanskiy: pervye shagi v nauku [A.P. Umansky: the first steps in science]. In: Demin, M.A. (ed.) *Voprosy arkheologii i istorii yuga Zapadnoy Sibiri* [Problems of archeology and history of the south of Western Siberia]. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy. pp. 30–42.
4. Demin, M.A. (2016) A.P. Umansky's Archeological Research in Altai (1956–1963). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arkheologiya – Izvestiya of Altai State University. Historical Science and Archeology*. 2(90). pp. 200–205. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2016)2-36
5. Umanskiy, A.P. (1963a) *Pis'mo A.P. Umanskogo. Noyabr' – dekabr' 1963 g.* [Letter from A.P. Umanskiy. November – December, 1963]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
6. Latynin, B.A. (1963a) *Pis'mo B.A. Latynina. 22 oktyabrya 1963 g.* [Letter from B.A. Latynin. October 22, 1963]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
7. Latynin, B.A. (1963b) *Pis'mo B.A. Latynina. 18 noyabrya 1963 g.* [Letter from B.A. Latynin. November 18, 1963]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
8. Umanskiy, A.P. (1963b) *Pis'mo A.P. Umanskogo. 20 dekabrya 1963 g.* [Letter from A.P. Umanskiy. December 20, 1963]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
9. Gryaznov, M.P. (1964) *Pis'mo M.P. Gryaznova. 2 yanvarya 1964 g.* [Letter from M.P. Gryaznov. January 2, 1964]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
10. Umanskiy, A.P. (1964a) *Pis'mo A.P. Umanskogo. 8 sentyabrya 1964 g.* [Letter from A.P. Umanskiy. September 8, 1964]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
11. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1820. List 1. File 155.
12. Umanskiy, A.P. (1964b) *Pis'mo A.P. Umanskogo. Konets avgusta ili sentyabr' 1964 g.* [Letter from A.P. Umanskiy. End of August or September, 1964]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
13. Umanskiy, A.P. (1964c) *Pis'mo A.P. Umanskogo. 30 avgusta 1964 g.* [Letter from A.P. Umanskiy. August 30, 1964]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
14. Umanskiy, A.P. (1964d) *Pis'mo A.P. Umanskogo. 21 oktyabrya 1964 g.* [Letter from A.P. Umanskiy. October 21, 1964]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
15. Umanskiy, A.P. (1964e) *Pis'mo A.P. Umanskogo. 22 oktyabrya 1964 g.* [Letter from A.P. Umanskiy. October 22, 1964]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
16. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1820. List 1. File 149.
17. The Archive of the Altai State Pedagogical University. A.P. Umanskiy's personal file.
18. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1820. List 1. File 156.
19. Umanskiy, A.P. (1965) *Pis'mo A.P. Umanskogo. 1 yanvarya 1965 g.* [Letter from A.P. Umanskiy. January 1, 1965]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
20. Latynin, B.A. (1965) *Pis'mo B.A. Latynina. 9 maya 1965 g.* [Letter from B.A. Latynina. May 9, 1965]. From T.A. Umanskaya's personal archive.
21. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund R-1820. List 1. File 154.
22. Umanskiy, A.P. (1966) *Pis'mo A.P. Umanskogo. 18 maya 1966 g.* [Letter from A.P. Umanskiy. May 18, 1966]. From T.A. Umanskaya's personal archive.